

К.О. ЦЫПЛЯКОВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1-091
ББК Ш141.2-0

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРЕ КАК ПРОЯВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье ставится вопрос, можно ли считать метафору проявлением языковой игры. Выявляя некоторые специфические свойства метафор на материале журнальных публикаций XIX века, автор приходит к выводу о том, что они являются фактами языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, метафора, лингвистическая компетенция, нестандартная ассоциативная экспликация значения слова.

Яркий, запоминающийся, остроумный текст воплощает собой предмет стремлений любого литератора или публициста. В погоне за убедительностью и оригинальностью авторы разных эпох, направлений, убеждений прибегают к таким универсальным средствам создания экспрессивности и образности, как метафора и языковая игра. Опираясь на материал журнальной публицистики XIX века, мы бы хотели поставить вопрос о том, можно ли считать метафору разновидностью ЯИ или, другими словами, существует ли игровая метафора.

Прежде всего, соотнести два этих языковых феномена позволяет заметное сходство их внутренней структуры. Как отмечает Н.Н. Кузнецова, «любая метафора построена на игре ассоциаций различного характера – чувственных и абстрактных, интеллектуального и эмоционального характера» [Кузнецова 2009, 105]. С другой стороны, ЯИ «может быть рассмотрена как явление, позволяющее понять природу творческого сознания социума, те “закономерности системы и нормы”, которые сложились в его представлении» [Гридина 1996: 9], а метафора также «выступает в качестве своеобразных структур мышления, позволяющих ... осмысливать реальность, т.е. выявлять и вербализировать ее наиболее важные смыслы и значения» [Потапчук 2006, 92]. И, наконец, нельзя не отметить мощную эстетическую и образную «замечательность» рассматриваемых языковых феноменов: они не оставляют ни одно воспринимающее сознание равнодушным, а потому и являются распространенными и важными фактами речевой действительности – не только современной.

Обратим также внимание на точку зрения Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, которые выделяют два вида ЯИ: балагурство и острословие. Первое не связано с передачей смысла речи, а речь об острословии идет «когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания» [Земская и др. 1983, 174-175]. Представленное выше понимание ЯИ позволяет признать метафорические употребления ее разновидностью.

Правда, как отмечает В.З. Санников, «вся художественная литература подпадет под него (такое понимание ЯИ. – *К.Ц.*), поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» [Санников 1999: 15]. Поэтому мы попытались выделить некоторые специфические свойства метафор, которые будут рассматриваться как факт ЯИ.

1. Прежде всего, метафора, приравниваемая к ЯИ, должна быть принципиально новой – языковые (системные) метафоры, основанные на переносном значении слова, закрепленном в словаре, игровыми не являются.

2. «Игровая» метафора должна носить демонстративный характер, т.е. в ней должна ощущаться авторская интенция, направленная на создание необычного, неузального, выходящего за семантические рамки, сближения двух явлений. Выражено это может быть за счет нестандартности выбора предметов сближения, развернутости метафоры, ее детальности, экспрессивной насыщенности, степени интенсивности проявления признака и т.п.

3. Метафоры, установка которых ограничивается только номинативной функцией и не учитывает экспрессивность, игровыми не являются.

Именно указанным параметрам отвечают, на наш взгляд, следующие метафоры, выбранные из журнальных публикаций XIX века:

- *Этот разряд есть то слуховое окно, через которое Г. Издатель бросает камнями в прохожих, не ломающих шапки перед его Телеграфом* [«Сын Отечества» 1827, № 2].

- *Мнения здесь столь же изменчивы, как вид паров над болотом – одно недоброежелательство к Гречу и Булгарину постоянно, и в каждой, именно в каждой книжке, что-нибудь противу них напечатано* [«Сын Отечества» 1827, № 2].

- *Спрашиваю у самых беспристрастных ценителей Литературы: может ли быть основательность и пища уму в таком литературном папшете?* [«Сын Отечества» 1827, № 2].

- ... *лорнетка, проводник наших взглядов, возносится до высоты ложь третьего яруса и погружается в мрачные бездны бедуаров* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *А наши половины! – в ортопедических (артонедических) креслах, уложив ножки на мягкие скамеечки, они с трудом выполняют эту созерцательную и гимнастическую работу, которая называется удовольствием быть в театре* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *Тысячвидный Протей (шляпка), она вытягивается шляпкой-капотом безмерной величины, во время царствования incrayables (неимоверных), возвышается и надувается с короткими платьями и вычурами Империи, подделываясь к Английским модам 1815 года она уменьшается, делается шляпкою-боливаром, потом вздергивается на самое темя головы, чтобы завтра съехать к самому корню волос, дозволяя давать себе во всех сих изменениях тысячи названий* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *...Ибо кружево было воскрешено с блистательными почестями: старинные Алонские, Английские и Брабанские кружева везде отыскиваются и покупаются полновесным золотом, как старый Севрской фарфор* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *Женщины пустились в политику костюма от нечего делать и выиграла флюс в груди* [«Телеграф» 1834, № 34].

- *Матери наши уверяют, что они были очень милы в своих сквозных платьицах, пристегнутых на колене, в котурнах alaPorrée. Но первая забота Империи была отогреть эти посинелые от холода плечи и покрыть оледенелую от дыхания севера грудь, закутавши их манишками в два ряда, которые торчали продолговатыми складкам* [«Телеграф» 1834, № 34].

Как видно из примеров, в силу своей «языковой толерантности» создатели ЯИ XIX века очень редко обращаются к разрушению «жестких» норм языка. Последнее, пусть даже и привносит в текст особенную экспрессивность, патетику и ироничность, по сути своей является «осознанной ошибкой», грубым языковым бунтарством. ЯИ XIX чаще всего представляет собой игру на самом гибком семантическом уровне языковой системы. Подвижная и ассоциативно богатая, она требует для своего прочтения достаточно развитой лингвистической компетенции и заключается в нестандартной ассоциативной экспликации значения слова на основе метафорического, ситуативного, коммуникативно зависимого значения слова. Авторы текстов выбирают для своей игры изящные правила, по которым создаются остроумные, тонкие и почти незаметные для сегодняшнего читателя факты ЯИ.

Важно отметить, что все метафорические сближения, смысловые переносы, семантические варьирования, – в общем, все наиболее частотные «игровые» процессы – в XIX веке совершаются на больших пространствах, чем словосочетание или предложение. Авторы XIX века не ограничивают территорию для творчества и заставляют играть весь текст.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова Н.Н. Метафора как одно из основных средств создания экспрессивности // Филологические науки. – 2009. – № 1.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Потапчук Е.Ю. Пятый элемент. Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе // Полис. – 2006. – № 5.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. – М., 1983.

© Цыплякова К.О., 2012